

И ВДРУГ Я ПОДУМАЛ

Никуда не денешься от того, что было в жизни — плохого, хорошего, блестящего. Даже если очень хочется забыть. Вычеркнуть. Начать сначала. «Изобрести велосипед» и назвать себя первооткрывателем. Никуда не денешься, не уйдешь от прошлого...

А ведь «ходят» сегодня многие. Особенно в искусстве, в музыке, в частности. О таком-то деятели следуют забыть, «потому что он процветал при Сталине, при Хрущеве, при Брежневе», «потому, что его любили и баловали вниманием в высших кругах»; «потому, что он занимал ведущее общественное положение». И много разных других «потому что».

Увы, привычка смешивать политическое, общественное положение художника со значимостью его творчества просто «узаконилась» нынче. Результат — то печальнейший: сколько достойных имен оказалось сегодня в тени, предано забвению. Какие ценные пласти музыкального искусства вырублены из современной жизни. Словно ничегошеньки в прошлые десятилетия у нас и не было. Все — «казенщина», все — «заказное», все «за ради славления правителей». С песней — особенно — «мол, сплошная конъюнктурщина». Вот и не слышишь ничего из богатейшего (не боюсь употребить превосходную степень!) песенного «запасника». Действительно, богатейшего: ведь при всем том, что были в этом жанре и однодневки, и халтура, и творения «к слушаю», сплеленные наспех, наши талантливые музыканты преуспели здесь много. Не одно поколение людей выросло и воспиталось на нашей песне; ее роль в годы Отечествен-

войны не переоценишь. И сегодня, собравшись вместе, не только старики, но и среднего возраста люди, и «шестидесятники» с упоением поют песни Блантера, Островского, Мокроусова, многих других — нашу песенную «классику». А молодежь? Да они не умеют петь — не привыкли, не приучены. И удивляться-то нечему: старое — перечеркнуто, а новое, модное — попробуй воспроизведи голосом!

тевки в дома творчества, приобретение сочинений, гонорары, квартиры, зарубежные поездки (в те годы очень трудно достижимые) — всем озадачивали они его. И, естественно, пели на все голоса хвалу.

Иные времена наступили ныне: я не увидела ни одного «протокольного» лица, «подпевал», окружавших его всегда плотным кольцом. Один-два композитора, несколько музыкантов — те, кто всегда ис-

тоже не звучат в концертных программах. А песни...

В маленьком тесном зале Музея Скрябина, помещении на 50—80 мест — исполнялись камерные сочинения Тихона Хренникова. И те самые, очень популярные, из постановок «вахтанговцев», из фильмов, оперетт, несколько известнейших песен; и новая музыка самых последних лет — инструментальное трио, Концерт для виолончели и фортепиано. Кто слышит все это?

Впрочем, скольких достойных художников списали еще — в музыке, в литературе, в изобразительном искусстве, в кино! Быстро распространяющаяся в обществе болезнь — забывчивость — на мой взгляд, становится опасной. И угрожающая привычка шатания из стороны в сторону, от одной крайности к другой. С перестроечных времен, когда открылась возможность говорить во весь голос обо всем и обо всех, реабилитировать, вернуть к активной творческой жизни раскритикованных, запрещенных, обиженных, стали забывать, нисправергать тех, кто ходил в признанных, благополучных.

Я отнюдь не сомневаюсь в справедливости возрождения к жизни художников, отринутых в свое время от нашей музыкальной практики ярлыком «авангардисты». Однако зачем же делать из идолами, кумирами? Наконец-то по заслугам признаны таланты Губайдуллиной, Шнитке, Денисова, однако зачем при этом зачеркивать прошлое, словно с них только началась летопись искусства нашей страны...

Не стоит подправлять историю: что было хорошего, плохого — все равно останется!

М. ИГНАТЬЕВА.

Культура. — 1993. — 13 февр. — С. 7

О ТОМ, ЧТО ПРОШЛОГО НЕ ПЕРЕПИСАТЬ

Недавно, предельно скромно и почти втихомолку (с точки зрения рекламы и реакции прессы) прошли подряд несколько авторских концертов Тихона Хренникова. На двух из них — симфоническом (в Большом зале консерватории) и камерном (в Музее Скрябина) мне довелось побывать. Ощущение грусти и радости, удивление и горькие раздумья посетили меня на этих программах. Прежде всего вспомнился неизменный ажиотаж, возникавший на хренниковских «мероприятиях». Набегали все: и благоволившее к нему начальство разных рангов, и искающие его, первого секретаря творческого союза, благоволения композиторы, и музыканты — подопечные. Ведь от Хренникова зависело все — пу-

ренне ценил творчество Тихона Николаевича. И просто публика, без любви и внимания которой не может существовать художественное творчество. Просто любители музыки — их было совсем немало по сегодняшним условиям, и они горячо принимали услышанное. А ведь чуть не списали за невостребованность в последние годы и ту же самую Первую симфонию, написанную в конце 30-х годов Хренниковым, — студентом консерватории — ярко образную, красивую музыку, с той свежей непосредственностью и элементами «театральной зрелищности», которые присущи автору. Почему она не звучит? Почему забыта? А великолепные партитуры, созданные к драматическим спектаклям, — они